

В.В. Табунов

г. Могилев, Беларусь

УСИЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ПРОТЕСТАНТИЗМА В БЕЛАРУСИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.

Проживавшие в конце XIX – начале XX столетий на территории Беларуси протестанты имелись во всех губерниях. Наибольшее их число наблюдалось в Двинском (9,5%), Люцинском (9,5%), Велижском (1,9%), Режицком (1,98%),

Полоцким (1,1%) уездах Витебской губернии, а также в Виленском (1,6%) [1, с. 99].

На рубеже XIX – XX столетий количество реформатских и лютеранских храмов на белорусских землях было небольшим. Первых насчитывалось около 10 [2, с. 64], вторых – около 30 [2, с. 67]. Численность протестантского духовенства в Беларуси тоже была незначительной. В 1905 г. в Виленской губернии работало два реформатских священника. В Гродненской и Минской губерниях – по одному. Лютеранских священников также было немного – 11 человек [1, с. 100-103].

Деятельность “христиан протестантского исповедания” регламентировалась законами империи [3].

Благотворительных заведений у лютеран было мало. Так, на всю Курляндскую консисториальную округу, в состав которой входили белорусские земли, приходилось 157 богаделен. Если учесть, что они распределялись по приходам неравномерно, то понятно, что некоторые из них вообще не имели ни одного такого учреждения [2, с. 173].

Своих периодических изданий представители течений протестантского толка до издания указа 17 апреля 1905 г. о религиозных свободах не имели. Распространение религиозной литературы осуществлялось нелегальным путем.

К разрешению приобретения земель лютеранам и реформатам в крае власти подходили с позиций государственной целесообразности и интересов православия. В местностях с преобладанием православного населения покупка имений лицами указанных исповеданий признавалась делом нежелательным [4, л. 7-7об.]. В местностях, где преобладал католический элемент, при отсутствии покупателей из православных и старообрядцев, “инославным помещикам и крестьянам, усвоившим в домашнем быту русский язык и не обнаруживающим тяготения к польской народности” разрешалась покупка земли [4, л. 8].

Большинство проживающих на белорусских землях протестантов были лютеранами. Отношения их “з уладамі і праваслаўна царквой былі давалі памяркоўныя. І калі адкрыта царская ўлада вялікіх перашкод не чынілі, тым не менш, па магчымасці, імкнуліся стрымліваць рост колькасці вернікаў і культываў устаноў” [5, с. 58]. Так, в 1895 г. администрацией было отклонено ходатайство церковного совета Двинского евангелическо-лютеранского прихода о разрешении строительства церкви “на 300 человек”. Причиной послужило опасение епископа Полоцкого и Витебского Владимира, что устройство новой кирхи “может отозваться вредными последствиями для православных жителей недавно образованного прихода” [6, л. 8, 14об.].

Не была удовлетворена просьба лютеран о разрешении установки колокола на кладбище в имении Шкильбаны Люцинского уезда Витебской губернии [7, л. 1-1об., 4-4об.-5, 6об.].

В Стружано-Стернянском приходе властями была разрешена установка колокола. Вопрос здесь был решен в положительную для лютеран сторону в виду того, что ближайшая кирха находилась на почтительном, 50-ти верстном расстоянии [7, л. 7-7об., 9].

В 1897 г. виленским генерал-губернатором П.В. Оржевским была уважена просьба Курляндской евангелическо-лютеранской консистории о разрешении постройки в селеении Михайлово Белостокского уезда Гродненской губернии “на средства прихожан” новой церкви вместо “пришедшего в ветхость молитвенного дома” [8, л. 1-1об.]. Разрешение было дано на возведение церкви только “в тех размерах и в том виде”, в каких был молитвенный дом [8, л. 11-11об.].

С большим трудом лютеранами было получено разрешение на образование нового прихода в Люцинском уезде Витебской губернии. Ни местные власти, ни тем более православное духовенство не горели желанием идти навстречу ходатайствующим [7, л. 15-16, 54-54об., 63-63об.]. Но за лютеран вступился министр внутренних дел П.Д. Святополк-Мирский [9, л. 14об.-15].

Язык богослужений в лютеранской церкви отвечал национальному составу ее прихожан. Так, по данным Центрального комитета вспомогательной кассы евангелическо-лютеранских общин, численность прихожан Курляндского округа составляла 620050 человек. Среди них числилось составляли 533500 латышей, 68500 немцев, 10900 литовцев, 3900 поляков, 2400 лифляндцев и 850 эстонцев [10, с. 15].

При богослужениях же в реформатских церквях мог употребляться польский язык. Так, в Виленском приходе он использовался наряду с немецким. В Изабеленском приходе польский язык являлся основным. На польском языке велось обучение в школах, существовавших до конца XIX столетия при евангелическо-реформатских храмах. После издания указа о свободе вероисповеданий Виленский евангелическо-реформатский Синод возбудил перед властями ходатайство о разрешении открыть под своим контролем при церквях училища с тем языком обучения, на котором велись богослужения в храмах. Фактически это означало введение в них польского языка. Виленский генерал-губернатор выступил против. Он отмечал, что “открытие реформатских школ с преподаванием на польском языке при условии полного введения польского языка в богослужение реформатов в Виленской и Гродненской губерниях, заселенных главным образом белорусами, может легко превратиться в общую польскую школу” [2, с. 142].

Со второй половины XIX столетия на территории белорусских земель распространяются несколько деноминаций протестантского толка. Одной из первых таких деноминаций, действовавшей на территории Беларуси в конце XIX века, был штундизм [5, с. 60].

Основы вероучения штундистов стали причиной запрещения их деятельности. Положением Комитета министров, утвержденном Николаем II 4 июля 1894 г., штундизм был признан одной “из наиболее опасных в церковном и государственном отношениях” сект. Запрещались молитвенные собрания штундистов. После появления этого циркуляра миссионеры распространили термин “штундист” на многие религиозные меньшинства, чтобы их было легче преследовать [11, с. 218, 219]. Дело в том, что проповедники протестантских деноминаций были лучше подготовлены к ведению полемики на религиозные темы, чем православные священники. Последние и использовали положение 4 июля 1894 г. в своих интересах, ослабляя по мере возможности своих “конкурентов” путем обвинения их в бунтарстве [11, с. 247].

Вместе с тем сохранялась некая правовая двусмысленность. 3 сентября 1894 г. был принят новый циркуляр министерства внутренних дел. В соответствии с ним провозглашалось разделение сект на “более или менее вредные” и “особо вредные” штундисты могли рассчитывать на те права и льготы, которые были предоставлены “обычным раскольникам”. Циркуляр категорически запрещал штундистам проводить “общественные молитвенные собрания”, поскольку они “проповедуют социалистические принципы” и “не признают никаких властей” [12, с. 114, 115].

Проявления штундизма на белорусских землях неоднократно фиксировались властями [13]. После принятия соответствующих мер “распространение пропаганды” пресекалось.

Репрессивные меры зачастую приводили лишь к обратному результату: у сторонников протестантских меньшинств росло убеждение в своей правоте, а преследования создавали вокруг них ореол мучеников за веру. Тем не менее, они были вынуждены действовать скрытно, привлекая в свою среду новых adeptов.

В дальнейшем штундизм, слившись с баптизмом, перестал существовать [5, с. 60-61].

Другой деноминацией протестантского толка, действовавшей в Беларуси в рассматриваемое нами время, был баптизм.

Баптистские общины действовали практически на всей территории Беларуси.

В большинстве случаев приверженцами баптизма становились лютеране: крестьяне-латыши и немецкие колонисты [5, с. 61]. Социальный состав баптистских общин был неоднороден. В основном это были крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники [14, с. 19].

На рубеже XIX – XX столетий большую роль в распространении данного вероучения среди белорусов играли книгоноши [12, с. 381].

Белорусские баптисты получали помощь от своих единоверцев из Петербурга, Одессы, Херсона, Николаева [14, с. 17, 18].

По официальным данным, отнюдь не претендующим на полноту и точность, в начале XX столетия на территории

Северо-Западного края имелось 8 баптистских общин, в которых состояло 230 человек [15, с. 6].

Обеспокоенные распространением баптизма, правительство стремилось взять его под свой контроль. Еще в 1879 г. был издан указ Сената, регулировавший религиозную жизнь баптистов [5, с. 61]. Но это не принесло ожидаемых послаблений, поскольку указ касался только выходцев из Европы [16, с. 262]. Преследования же русских баптистов продолжались до 1896 г., когда Сенат в своём очередном разъяснении указал на то, что положение Комитета министров от 4 июля 1894 г. касается "исключительно штундистской ереси и не может быть распространяемо органами административной власти на другие исповедания" [11, с. 246]. В 1897 г. Николаем II был издан указ, по которому баптизм считался "терпимым вероисповеданием" [17, с. 24].

Баптисты, получив официальное разрешение на свою деятельность, обращались к властям с просьбами об удовлетворении своих религиозных потребностей, в основном это касалось учреждения молитвенных домов. Таковые не всегда выполнялись. Не видя в баптистах ярых противников православия, власти, тем не менее, не стремились лишиться раз проявлять по отношению к ним особую лояльность [18].

Получили распространение в Беларуси и другие меньшинства протестантской направленности. В 1900 г. в стране существовало 28 общин и 4 группы с 1037 членами церкви адвентистов седьмого дня [19, с. 15]. Интенсивное распространение данного меньшинства протестантского толка на белорусских землях началось после указа о свободе вероисповеданий [5, с. 61]. Тогда пропаганда адвентизма пошла быстрее, делая успехи [20, с. 458].

Последователи учения евангельских христиан существовали в Чечерске Могилевской губернии и Пружанах Гродненской губернии [14, с. 19]. К их сторонникам принадлежала графиня Е.И. Черткова, чей отец, Чернышев-Кругликов, владел Чечерским имением, где проводились молитвенные собрания верующих [5, с. 61]. Общину в Чечерске поддерживали столичные единоверцы.

По официальным данным к 1905 г. в стране насчитывалось около 21 тыс. евангельских христиан [11, с. 230].

Таким образом, на рубеже XIX – начала XX столетий дискриминационные меры в отношении сектантов протестантского толка постепенно смягчались. Принимая во внимание немногочисленность последователей протестантизма на белорусских землях и их достаточно лояльное отношение к властям, последние не чинили им особых препятствий, но по мере необходимости все же сдерживая рост потенциала верующих и духовенства течений данного религиозного толка.

Литература:

1. Канфесіі на Беларусі: канец XVIII – XX ст. / Навук. рзд. У.І. Навіцкі. – Мн., 1998.
2. Яноўская В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі. 1863 – 1914 гг. – Мн., 2002.
3. Свод учреждений и уставов управления духовных дел иностранных исповеданий христианских и иноверных 1896 г. / Собрание Законов в пяти кн. Под ред. и с прим. И. Д. Мордухай-Болтовского. Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. Кн. 3. Т. 8. Ч. 2 – Т. 11. Ч. 1.
4. ГАРФ ф. 543 оп. 1 ед. хр. 472.
5. Грыгор'ева В., Філатава А. Пратэстанцкая царква ў Беларусі ў канцы XVIII – пачатку XX ст. // Беларускі гістарычны часопіс. – № 2. – 2001.
6. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 42359.
7. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 42859.
8. НИАБ в Гродно ф. 1 оп. 9 ед. хр. 467.
9. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 46406.
10. Князева Е.Е. Лютеранские церкви и приходы в Белоруссии, Молдавии, Закавказье и Средней Азии XVIII – XX вв. – СПб., 2006.
11. Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность – СПб., 1997.
12. История евангельских христиан-баптистов в СССР – М., 1989.
13. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 43941; НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 44489.
14. Баптизм и баптисты (социологический очерк) / Ред. М.Я. Ленсу, Е.С. Прокошина. – Мн., 1969.

15. Миловидов А.И. Современное штундо-баптистское движение в Северо-Западном крае. – Вильна, 1910.

16. Бачинин В.А. Византизм и евангелизм: генеалогия русского протестантизма: очерки исторической социологии религиозно-гражданской жизни. – СПб., 2003.

17. Савченко И.И. Евангельские христиане-баптисты в Беларуси. – Мн., 2003.

18. НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 45323; НИАБ в Минске ф. 1430 оп. 1 ед. хр. 45855

19. Из истории церкви адвентистов в России / Отв. за выпуск В. Самогитский. – Калининград, 1993.

20. Никольский Н.М. История русской церкви. – Мн., 1990.